

Ирина Шеина

*Легенды и мифы
Брянщины*

Зюмочка

Дед был еще бодр, а жена его в свои пятьдесят семь лет выглядела на все восемьдесят. Земля ее к себе тянула. Вот бабушка Ира и согнулась до срока. Ходила она с трудом. Опиралась на толстую клюку обеими руками с узловатыми пальцами, тяжело сдвигала ее на несколько сантиметров и, мелко перебирая, шоркая опухшими ногами, одолевала эти сантиметры с глухим хрипом, вырывавшимся горлом из ее полного тела. Чтобы дойти от горницы до скамьи на крыльце, бабушке Ире было нужно минут двадцать. Дед ей помогал одолеть порог и приговаривал: «Не спеши, зюмочка. Не торопись. Куда тебе спешить? Вся жизнь впереди!»

Дед усаживал жену на самодельной скамеечке, закутывал ее в пуховый платок и припрыгивающей походкой спешил на конюшню. Здесь его ждал почти такой же старый, с сединой в гриве и хвосте, некогда буланый конь неопределенной породы. То ли лошадь Пржевальского, то ли крашенная зебра. Маленький, но крепкий этот конь на коротких ногах с широкими копытами ещё резво бегал. Он носил гордое имя Буцефал и знал свою, впрочем сильно завышенную, цену. За ним смотрел дед Андрей, и запрягал его, и возил на нем разные поклажи в соответствии с личными распоряжениями председателя колхоза.

Председатель колхоза, Сергей Иванович, по утрам приходил в конюшню и, в знак особого уважения, сам говорил деду Андрею, что тому сегодня предстоит делать. На конюшне работали еще шесть колхозников. Председатель с каждым из них здоровался за руку, но за распоряжениями для всех конюхов, кроме нашего деда, бригадир должен был каждое утро заходить в контору колхоза.

И еще одна деталь подчеркивала особый статус деда Андрея. Все остальные колхозники имели в обиходе только имя, отчество или прозвище. И только Сергея Ивановича, председателя колхоза, парторга Юрия Никитича, главбуха да деда Андрея все деревенские величали по имени-отчеству, Андреем Петровичем. Дед Андрей он был только для нас, студентов, работавших на уборке картофеля в этом колхозе и живших у него в доме на постое.

Своих детей у деда Андрея и бабушки Иры не было. А студентов на постой они брали, в отличие от других своих односельчан, безвозмездно. Еще и прикармливали всякими вкусняшками, на которые бабушка Ира была великая мастерица. Пока мы вместе с дедом Андреем собирали урожай, бабушка Ира, посидев на своей лавочке около часу, шла осторожно и медленно в летнюю кухню, где

готовила для нас супы разные, пирожки, ватрушки, блины с начинками или толчёнку – пюре со шкварками и жареным луком. К обеду все это было разложено по тарелкам и бережно прикрыто расшитыми яркими цветами салфетками.

К ужину бабушка Ира пекла для нас большой пирог, который мы съедали в один присест с неисчислимым количеством чая, настоянного на травах.

Травы собирал дед Андрей, а настоящий русский чай из этих трав готовила бабушка Ира. За вечерним чаем она рассказывала секреты его приготовления и тайны выпечки. Дед Андрей иногда вставлял лаконичные реплики: «Зюмочка, ну, хде им в хороде взять кипрей?» или «Зюмочка, молодые они ишшо. Не запомнят». А нам после дня непривычной работы интересно ее послушать. Да и деда Андрея порасспросить о том, как он партизаном был. Только сам дед помалкивал. О его героическом прошлом нам Андрей Петрович рассказал в наш первый день в колхозе. И тут же задание нам дал, записать все рассказы наших деда с бабушкой.

Неделю мы уже прожили у них, а рассказов о войне не слышали. Ну, и пришлось мне напрямую спросить деда Андрея. Оно и кстати оказалось. Мы с дедом Андреем на одной гряде собирали картофель, а на соседней гряде с нашими однокурсницами работал другой дед, Степан.

Наш дед Андрей все время пошучивал с нами, песни с нами пел в охотку. А дед Степан все молча делал. Никогда ни слова не скажет. Дед Андрей и со своим конем буланым беседовал, поглаживал его, морковкой подкармливал. Только с дедом Степаном никогда ни словом не обмолвился. Даже не здоровался с ним.

В то утро я, как и в предыдущие дни, пошла с дедом Андреем на конюшню, мне хотелось научиться запрягать коня, и дед Андрей учил меня. Пришли мы раньше всех. Только сторож еще был.

Стоит дед Андрей со сторожем беседует о погоде, сигарету в пальцах крутит и на мои мучения со сбруей поглядывает, но пока не комментирует.

Наверное, я все правильно делала, когда в конюшню зашел дед Степан. Я поздоровалась.

Увидел он меня с уздечкой в руках и, повернувшись к деду Андрею, сказал: «Что, Андрюха, нашел себе дармовую работницу? Всё на молодых заглядываешься, пень старый? Коммунист твою душу...».

Сторож строго посмотрел на деда Степана и укоризненно покачал головой, а дед Андрей сломал сигарету и подошел ко мне: «Иди, доню, отсюда. Не надобно тебе это слушать». «Дед Андрей, я уж закончила. Можем ехать» - ответила я. «Ну, и лады, доню, поехали». Дед Андрей уселся на передке, посмотрел, как я держу вожжи и одобрительно кивнул. Мы выехали за ворота конюшни и я спросила: «Что с этим Степаном не так? Почему Вы с ним не разговариваете?»

Вот тогда дед Андрей и рассказал мне немного о войне, партизанах и любви.

Вечером я его рассказ записала. Жаль только, не догадалась записать его словами, речь у него была насыщена местными выражениями, не все из них мне и понятны были. Записала, как запомнила.

- Ты, вот, меня спрашивала раньше почему я свою Ирочку зюмочкой зову. Зюмочка это знаешь, что? Это виноградинка такая в тесте. Темно-коричневая, почти черная. Вот такие глаза темные и были у Ирочки в юности. Мы с ней и со Степкой в одной школе учились. Она на два года младше. А умная! ... Нам помогала математику делать, домашние задания. Да, и другие уроки тоже. Школа у нас была в трех километрах от нашей деревни. Утром на околице встречались. Вместе в школу шли. И после занятий тоже вместе. Осенью и весной, даже в дождь и слякоть, идти было весело. А зимой затемно выходили, что утром, что после уроков. Сколько раз волков встречали! Страшно вспомнить. Ну, да мы всегда кучкой бегали. С нами еще несколько ребятшек было. И мои братья-сестры, нас всего шестеро было. Никто войну, кроме меня, не пережил. И у Степана был брат старше нас на три года, и соседские еще были. Только у Ирочки никого не было. Она сирота была. Жила с бабушкой.

Ну, мы кучкой в школу, со школы бегали так несколько лет. А потом однажды, классе в пятом, я увидел, какая она красивая. Необыкновенная. Глаза огромные, темные. Волосы колечками завиваются. Губы все время смеются, а на щеках ямочки. Как меня что торкнуло. Понял я, что она – моя судьба. Какая судьба в десять-то лет? Ан, нет. Не важно, сколько лет, когда свою судьбу встретишь.

Дед Андрей помолчал немного, пожевал губами. Потом махнул рукой решительно и продолжил:

- Долго я молчал. Ничего никому не говорил. Только в десятом классе признался и ей, и своей матери. Сказал, чтобы знали – из армии приду – женюсь на ней. И она чтобы ждала меня из армии. И мама чтобы к свадьбе начала готовиться. Ирочка серьезно меня выслушала.

Не стала смеяться, как девушки часто делают. Голову опустила и сказала: «Вчера Степан к бабушке приходил меня сватать. Только я ему отказала. Ждала, что ты посватаешь». Вот так мы и сговорились с ней. В деревне никому не объявляли. А что объявлять? Она ж еще маленькая. Только пятнадцать лет, шестнадцатый. Решили мы с ней, что откроемся всем после того, как я из армии приду.

Мне уж и повестка пришла из военкомата. Как и Степану тоже. В сентябре должны были пойти служить. Я стал усиленно физкультурой заниматься. А Степка что-то стал мудрить. Вроде как больной он совсем. Ну, не иначе, как на голову, решили мы все, и одноклассники и односельчане.

Лето настало. Мы сдали выпускные экзамены. Я пошел в МТС работать мотористом. А Степан взял в колхозе справку и поехал в город поступать в институт.

Дед Андрей снова замолчал. Натянул поглубже свой потрепанный треух. Потер лицо руками. Я уже думала, что надо мне ему задать вопрос, но он сам заговорил:

- Н-да... Только планы наши война порушила. В июле Степан вернулся в деревню, а я в то время уже в районе военкомат осаждал с остальными одноклассниками. Мы все на фронт просились. Тут наш председатель позвал нас в контору и сказал, что мы сейчас очень нужны в колхозе. Надо урожай собрать в рекордные сроки и отправить в армию. А когда урожай соберем, тогда нас и отправят воевать. Собрали хлеб мы, как никогда раньше, дружно. День и ночь работали. И то сказать, время какое было... За месяц какой-то немцы доказали, что умеют воевать. Нам что-то обещали в военкомате, а война – вот она. Нас стали готовить к партизанской войне. Мы получили для изучения книжечки «Спутник партизана». Нас учили стрелять из винтовки и автомата. Н-да... Много чему учили... Мы и не знали тогда, что воевать будем в тылу у фашистов.

Дед Андрей дал мне знак остановиться.

Мы в это время проезжали по узкому мосту через речушку, разделявшую территорию колхоза на вторую и третью бригады. Мы работали во второй бригаде, а третья занималась выращиванием льна. Я и не заметила, как мы оказались в этом месте. Вожжи в моих руках были явно лишни. Конь трусил куда хотел.

Дед Андрей усмехнулся: «А ты как думала? Сивка-бурка знает свое дело. Мы сейчас с тобой в одно место заедем, а потом поедем домой. Мы с ним сюда часто заворачиваем.

Смотри. Вот эта поляна. Здесь была наша землянка. Разведгруппы. В этой группе, кроме меня, были еще четверо. Остались только двое. Меня ты знаешь. А второй – наш парторг Андрей Петрович. А ты думала, он - просто так человек?

Смотри. Видишь землянку?» - «Нет». – «Вот и немцы не видели. А она у них прямо под носом была. Сейчас-то от нее почти ничего не осталось. Но знающий человек разглядит. Вот она».

Дед Андрей за руку подвел меня к кустарнику у подножия трех сосен со сросшимися стволами. Ногой он отгреб немного земли и я увидела почти истлевший конец толстого бревна. «А там был вход», - дед Андрей ткнул пальцем в сторону куста бузины. – «Но его уже засыпало. Я сюда приезжаю, чтобы брата проведать. Его убили вон на том месте. Там мы его и похоронили. Это его крест». – дед Андрей подошел к маленькому обелиску с нарисованной красной звездой. Стянул с головы шапку и поклонился.

- В общем, наш партизанский отряд был окончательно сформирован в сентябре. В октябре мы уже начали принимать участие в боевых операциях.

Степан оставался дома. Его старший брат служил в Красной Армии. Но с августа о нем не было никаких вестей. Потом уже, после войны, мы узнали, что он погиб как герой. Вот так-то. Один брат герой, а другой... Предатель.

Да, предатель. Вот потому со Степаном никто не общается и сейчас.

Он стал полицаем, а после войны в лагерях лет пятнадцать провел. По году за каждого, кто из-за него погиб. Только мало этого. Их уж не вернешь. Да и те, кто пережили эту войну, кто дожил до Победы... скольких уже нет... А сколько болеют? Вот и Зюмочка моя. Она после тех дней и ночей в зимнем лесу болеет. И детей мы не смогли иметь.

А он целехонький.

Дед Андрей махнул рукой.

- Из-за него деревню нашу сожгли со всеми почти жителями, с теми, кто не успел или не мог в партизаны уйти. Та деревня, где мы до войны жили, она в пяти километрах отсюда. Там ничего не осталось от трех десятков изб. Только яблони продолжают плодоносить.

Дед Андрей присел на телегу, похлопал по сиденью рядом с собой, приглашая и меня. Но я осталась стоять у обелиска. Мне показалось кощунственным сидеть рядом с этой лесной могилой.

- Да, Степан, он никого не жалел. Он свой собственный дом поджег. Впрочем, там никого не было. Мать у него, хорошая была женщина, умерла от горячки еще в начале войны. А отца его, он старый уже был, одноногий после Первой Мировой, немцы повесили в райцентре на площади. У него листовки нашли партизанские. Говорят, когда его вешали, он крикнул: «Смерть фашистским оккупантам!», и один из фрицев застрелил его. А у него уже петля была на шее. Так он и погиб сразу двумя смертями.

Вот после его гибели и вызверился Степан. Пришел он к моей Ирочке домой и сказал ей, что, или она идет к нему жить, или он деревню спалит. Она обещала ему до утра подумать, а ночью убежала в лес. Трое суток по снегу бродила. В отряд не побежала. И к знакомым в соседнее село тоже. Боялась, что из-за нее могут пострадать другие.

Она связная была. Знала, где отряд. Но не пошла к нам, опасаясь, что немцев на отряд выведет. Бродила по лесу около деревни. Видела, как деревня сгорела. Как люди в горячей одежде из домов выбегали, а их расстреливали. Но некоторым удалось убежать.

Бабушка ее в доме сгорела. Она уже не ходила. Старая была очень. Ирочка видела, как их дом горит, но не могла ничего сделать. Что бы она сделала? Ей еще и шестнадцати лет не исполнилось. И за ней охотился Степан.

На второй день после ее побега, к вечеру ближе, деревню нашу сожгли. На третий, с утра, - с собаками по лесу убежавших искали.

Ирочка смогла спрятаться от собак под крышей в старом коровнике, а до того она несколько десятков метров по воде пробежала. Хорошо, что ручей, тот самый, который мы сейчас переезжали, не замерз еще тогда. Зато Ирочка обморозилась. Ну, да, главное, жива осталась. И не нашли ее эти ищейки.

Потом тех, кого нашли, в сарае заперли в соседнем селе. Должны были повесить. Но Ирочка успела прибежать в отряд и мы их отбили в бою. Всех спасли. Да... Вот так...

Он помолчал и уже другим тоном сказал: «Ладно. Хватит турусы разводить на колесах. Поговорили и будя. Работать кто будет? Урожай ждать не будет».

Несколько лет спустя я узнала, что бабушка Ира и дед Андрей умерли в один день.

Он пришел домой с работы, увидел, что она скончалась, обмыл ее тело, переодел в белое, положил в гроб, который сделал из сосновых досок, выделенных ему колхозом на новые ставни. Потом умылся, переоделся тоже в белое, лег на лавку и умер.

Вечером председатель зашел к ним домой, увидев, что свет в доме не горит, и нашел их мертвыми.

Хоронили их всем колхозом.

Только Степан на пошел со всеми на кладбище.

На могилках деда Андрея и бабушки Иры растут сосна и виноград. Кто их посадил, никто не знает.

Данин

О Данине мне рассказал дядя Коля, хозяин дома, где мы, студенты-стройотрядовцы, были на постое.

Белобрысый, белоголовый Данин был невысок, худощав, порывист в движениях и рассудителен не по годам. А лет ему исполнилось полных только двадцать. И усы он еще не успел отрастить. Зато имел уже немалый боевой опыт двух лет партизанской войны.

С первых дней оккупации Данин записался в отряд. Молодая цепкая память быстро усвоила все тонкости ведения партизанского быта. Он умел бесшумной тенью двигаться в лесу и днем, и ночью. Умел скрытно преодолеть поле и перейти дорогу почти на глазах врага незамеченным. Умел развести невидимый костер и пройти по топкому болоту, не оставить следов на снегу и изготовить боезаряд для подрыва танка, сделать минную растяжку и выяснить у языка все, что надо

командиру. Командир был уверен в нем, как в самом себе. Если Данин сказал - Данин сделает наилучшим образом.

Накануне разведчики доложили о новшестве, введенном оккупантами в их зоне: "В село поблизости прибыли егеря. На лошадях с утра начнут объезд леса". Силы слишком не равны. Полторы сотни егерей против полусотни партизан. В тылу партизан - непроходимая топь. В тылу егерей - пехотный полк. И вот теперь весь лагерь замер, скрываясь в дебрях. Огонь потушен в печках и кострах. Дозорные залегли цепью в укрытиях. Остальные бойцы отряда напряженно ждут сигнала "отбой тревоги" или "к бою", в зависимости от ситуации. В санитарной землянке подготовлены кипяченая вода, хирургические инструменты и перевязочные материалы.

Егеря проехали шагом по лесному массиву, подошли почти к самому болоту, на краю которого вырыты партизанские землянки, и, не заметив их и других следов партизанского присутствия, к двенадцати дня повернули лошадей в сторону своего расположения. Они даже перестали скрываться и громко переговаривались между собой. Группа всадников двигалась теперь кучно, все вместе. Они отъехали уже на два километра от лагеря.

Казалось, что опасность миновала. Но это только так показалось. Несколько всадников, спешившись, подошли к реке, ввели коней в воду недалеко от штабной землянки и стали их купать. Только сто метров отделяло партизанский отряд от расслабившихся егерей.

Командир решил их не трогать, чтобы не встревожить врагов исчезновением части егерей. Лучше упустить этих растяп, чем потерять отряд.

И, возможно, неравного боя удалось бы избежать, но эти несколько егерей, напоив и выкупав коней, не сверились по карте и двинулись в обратную общему движению егерей сторону. Они въехали прямо на партизанскую поляну.

Бой был неизбежен. И партизаны его дали. Эти несколько егерей были убиты около самых землянок. Но догнать основной егерский отряд и истребить его не удалось.

Спустя два часа после короткой стычки с егерями в лес по разбитой грунтовой дороге на двух грузовиках приехал отряд карателей.

Командир понимал, что бой придется принять. Бойцы отряда заняли по его приказу позиции. Самых молодых и необстрелянных командир отправил поодиночке с небольшими запасами вооружения в тыл отряда. Самых опытных и отчаянных расставил на наиболее выигранных для ведения боя позициях. Данина командир поставил на опушке леса с пулеметом, винтовкой и тремя гранатами в окопчике у старой развесистой березы.

Теперь Данин стоял, опоясанный пулеметными лентами, один за бруствером и смотрел в сторону заросшей лесными травами, раскисшей после недавних ливней, непролазной дороги. Ее крутой

поворот был всего в ста тридцати метрах от его укрытия.

Ему некогда было считать серые фигуры, выставившие слева и справа от дороги. Он стрелял, тщательно целясь в каждую из этих нелепых фигур. Его пулемет мог бы стрелять длинными очередями. И косить вражью цепь. Но цепи не было. Болотистая почва леса не давала немцам растянуться в стройную цепь.

Они шли маршевым шагом, не стреляя. Шли, уверенные в своем безусловном численном преимуществе. Шли, не думая, чеканя шаг даже в этой густой траве, высоко поднимая прямые ноги. Шли с винтовками наперевес, изготовленными к стрельбе и рукопашному бою.

Он встал во весь свой невеликий рост со связкой гранат в поднятой руке и открыто, не пригибаясь к земле, пошел на врага.

И немцы дрогнули. Им показалось, что сейчас за его спиной встанут еще десятки партизан. Секунда решила исход его личного боя. Немцы бросились врассыпную от одного решительного и бесстрашного бойца.

Данин зигзагом пробежал между деревьями, стреляя из винтовки наугад, ему некогда было целиться, и вернулся в свой окоп. Перезарядил передохнувший пулемет и вновь стал стрелять по отходящим в беспорядке немцам. Его выстрелы находили цель, как могло показаться, сами.

Но и немцы, поняв свою ошибку, возобновили психическую атаку против одного человека. Кто-то из них нажал гашетку. Кровь партизана окрасила бруствер и землю под его ногами. Но пулемет Данина не смолкал.

Надвигался вечер. Немцы отступили, собирая в спешке раненых и убитых. Зачем рисковать в ночном бою с неизвестными силами? Немецкое командование решило, что наутро этот сумасшедший отряд будет полностью разбит.

На дороге и на опушке леса были выставлены кордоны. Партизанам не уйти. Завтра будет знатная охота. Для облавы все уже готово.

Данина без сознания нашли в темноте свои. Отнесли в санитарную землянку, где уже было несколько раненых бойцов отряда. Отрядный врач, осмотрев рану Данина, покачал головой и развел руками на немой вопрос командира: "Шансов нет. Слишком много потеряно крови". В землянку заглянул пятнадцатилетний разведчик Вася Поцелуев: "Там лесник пришел. Спрашивает командира. Что сказать?" - "Веди сюда».

Лесник вывел ночью отряд через болото, обозначенное на немецких картах как непроходимая топь. Эти топографические карты, отпечатанные за три года до начала войны, были точны. Даже точнее,

чем те, которыми располагало командование партизанскими соединениями. Но эти карты составляли не те, кто прожил в брянских лесах долгую жизнь.

Один только лесник знал ту единственную узкую, в след ноги взрослого мужчины, тропу, по которой было можно пройти, прокладывая гать. Бойцы отряда клали доски, взятые из оставленных землянок, на неустойчивые кочки и последний в цепочке снимал доску, по которой прошел. Ее передавали и клали впереди. Эта тропа сохранила жизнь отряду, члены которого вынесли всех своих убитых и раненых во вчерашнем бою товарищей.

Ранним утром каратели подъехали на грузовиках к месту вчерашнего боя. Из гранатомета расстреляли окоп, из которого накануне были убиты и ранены несколько десятков немцев.

В окопе не нашли никого. Только груда пустых гильз подтвердила, что стреляли отсюда.

Лес был прочесан самым тщательным образом. На краю болота у реки нашли три землянки. Одну большую с разобранными нарами и две маленькие. В землянках не было никаких следов пребывания людей. Запасные выходы из землянок были засыпаны, кострище на поляне залито водой.

Командир отряда, составивший Верховному командованию записку о подвиге Данина, погиб в бою через несколько дней после выхода из окружения.

Сегодня никто не знает места захоронения Данина и его товарищей.

Но есть отряды поисковиков, которые ищут в архивах документы и карты времен войны, а на местности, на местах, отмеченных на картах, ищут следы боев и останки героев.

Так брянские искатели восстановили картину последнего боя Данина.

И есть та береза, где дал свой последний бой Данин. Она растет и сегодня. Под ней, у осевшего бруствера осыпавшегося окопчика, искатели установили памятный знак с красной стальной звездой.

Бабушка Тоня

В студенческие годы мне довелось поработать на уборке картофеля и в стройотрядах в нескольких районах Брянской области. Но больше всего в Почепском районе. И жить приходилось в разных семьях. Это все были славные люди.

Но бабушка Тоня была особенной.

Маленькая, сухонькая. В плисовом шушуне. Она казалась гостьей в собственном доме. Гостьей из прошлого века.

У нее была милая манера складывать руки у подбородка и покачивать головой, когда она была чем-то расстроена. Расстраивалась она часто. То из-за кошки, то из-за непогоды, а то из-за того, что петля в вязании спустилась. Но огорчалась она не так, как это делают обычно люди. Она не злилась, не причитала, не плакала, не ругалась. Она просто качала головой.

И, в отличие от обычаев старых учителей, она никогда не говорила безапелляционным тоном. И не читала нам морали.

Она была родом из Ленинграда. В Почепском районе она оказалась по распределению после окончания пединститута. И осталась здесь навсегда. Прожив в селе три четверти своей жизни, она продолжала считать себя горожанкой. Ленинградкой.

В блокаду она, тогда совсем молоденькая, еще студентка, чудом выжила, но потеряла всех своих родных. И теперь мы, студенты на постое, были ее родственниками, любимыми внуками.

Она солила фантастические огурцы. В двух огромных деревянных бочках. Огурцы были так вкусны, что мы не могли пройти мимо этих бочек, не запустив в рассол руки. Через месяц нашего пребывания в доме бабушки Тони в обеих бочках огурцы стало невозможно выловить ввиду их полного и абсолютного отсутствия.

Она пекла ржаной хлеб с какой-то травой на капустных листьях. Утром она кормила нас этим, еще горячим, хлебом. И поила молоком от своей козы. Молоко имело странный запах и вкус. Мне не нравилось это молоко, но я не могла сказать этого вслух. Я не хотела обижать нашу бабушку Тоню и втихаря выливали это молоко в мисочку, стоявшую у бабушки Тони около печки. Она говорила, что это мисочка для домового. Но я видела, как из этой мисочки охотно лакает молоко соседский жирный кот.

Бабушка Тоня любила гостей. Поэтому каждый вечер кроме нас, ее пяти постояльцев, в ее уютной кухне собиралась почти вся наша группа.

Она всех потчевала жаренкой и чаем с хлебом.

Меня она почему-то хотела накормить особенно плотно. Я ей казалась слишком худой. Поэтому она каждый вечер подкладывала мне в тарелку дополнительные порции и приговаривала: «И куда твоя

мама смотрит? Вот ветер дунет, и тебя унесет. Ешь лучше, тень голодная!».

Бабушка Тоня любила вязать и вышивать. И меня попыталась увлечь рукоделием. Но я оказалась бестолковой. Мне больше нравилось читать.

А бабушка Тоня вязала и говорила мне с укоризной: «Хорошо, что читаешь. Молодец! Только, когда читаешь, поговорить невозможно. А когда вяжешь, можешь разговаривать обо всем на свете. Ведь в твоих книжках не написано ничего о том, что я знаю. Вот послушай».

И она рассказывала самые невероятные истории, часть из которых я записала:

Мой знакомый леший

Многие горожане боятся леса. Лесные дебри - это вам не Дворцовая площадь. Здесь и дорогу не всегда можно найти, и тропа может завести в болото. А на тропе - и корни торчат из земли, и лужи застоявшиеся с прошлого лета, и грязь непролазная, и крапива по обочинам, и комары стадами клубятся, мечтают всю кровь высосать из случайного путника. Совсем эти дикие места не похожи на цивилизованные проспекты, в асфальт закатанные.

Откровенно говоря, и я не слишком люблю комаров, кочкарник и крапиву. Но боязнь комаров для меня - не повод отказываться от маленьких приключений и свежего воздуха, напоенного ароматами хвои, трав и березовых листьев. Лес для меня имеет силу притяжения, превышающую силу страха. Здесь я могу идти в любом направлении, не задумываясь о правилах дорожного движения. Только в лесу я могу остановиться в любую секунду, как только захочу. Только в лесу меня окружают дружественные души, не требующие от меня НИЧЕГО. Даже внимания. И пусть я не понимаю их, а они не понимают меня, мне хорошо с ними. И пусть я не знаю их имен на латыни, им не нужно, чтобы я обращалась к ним по именам. Я трогаю их обнаженные шершавые тела, и не испытываю неловкости. Я не спешу в лесу. Лес - это место, где мне очень хорошо.

Лес - это место, где мне спокойно.

Лес - это место, где я ожидаю увидеть что-нибудь красивое и интересное.

С давних пор я в лесу всегда оставляю маленькие подарочки. Конфетку, хлеб с солью в бумажной упаковке или спички в прозрачном пакете, или яблоко (если красивое), или бинт стерильный, или помидор спелый... Что-нибудь такое, что брала для себя в путь-дорогу.

Это подарочки для лешего.

Я познакомилась с ним лет ... Много тому назад. Перед войной еще.

Это было так:

В компании с несколькими случайными людьми я оказалась на пикнике на берегу лесного озера, окруженного светлой березовой рощей. Люди были разного возраста - мой школьный преподаватель со своей семьей, их друзья, дети этих друзей и друзья этих детей. Из разных социальных слоев - два студента, одна студентка, одна аспирантка, профессор, инженер, офицер, его жена, библиотекарь, швея и я. Я тогда была просто девочка. Мне было семнадцать лет. Была последняя суббота моих последних школьных летних каникул.

Приближение осени чувствовалось только по выгоревшему за лето небу и нескольким легким корабликам поспешивших оторваться от родимой ветки желтых листочков, приткнувшихся к пологому берегу.

Все дружно суетились. Мужчины ставили шалаши и ловили раков на какую-то немислимую снасть. Студенты рубили сушняк и разводили огонь, резали мясо и потрошили купленную рыбу. Девушки ломали тонкие веточки, хихикали, ойкали и подбрасывали прутики в костер. Женщины потрошили сумки, расстилали пледы, скатерти, клеенку. Только мне было нечего делать. Ломать прутики мне было в лом, и девушки мне не нравились.

Я была в этой компании младше всех. И все между делом опекали меня, не давая приложить силы к какому-нибудь делу. Это нервировало. Очень. Мне захотелось уйти от них куда подальше. Но, едва я отходила в сторону от поляны, на которой разложили костер, кто-нибудь обязательно шел за мной. Делалось это настолько демонстративно, что мне стало совсем невмоготу.

Уха уже кипела в котелке. Самовар из антикварных запасников профессорской супруги уже шипел, разогрев воду на дымящих шишках. Тетеньки расстелили самобранку, уставили ее тарелками и блюдами с ломтями хлеба, зеленым луком, помидорами, огурцами, соленьями, салатами, колбасами, пирожками... Еды было столько, что меня затошнило: "Неужели все это можно съесть? Ужас!"

Я потом, в блокаду, часто вспоминала это застолье.

Поляна с нашим бивуаком выходила одной стороной на озеро. Тихонько, дождавшись приглашения "к столу", когда все суетливо стали размещаться вокруг накрытой скатерти, я свинтила в сторону. За какой-то вполне себе так разросшийся куст. И быстренько дала деру. Свобода! Лес, я и никого больше! Привет, березы! О! подберезовик! Еще! Еще! Ого! сколько их тут? А вон там краснеет мухомор. Красота!

Где-то вдалеке раздаются слегка встревоженные оклики: "Тоня! Ты куда делась? Где ты?" Я решила пока не отвечать. Еще чуть-чуть свободы от всеобщего внимания... Еще чуть-чуть лесной тишины... Еще немного грибов в моей панаме. А потом я выйду к ним с трофеями...

Грибов вокруг оказалось так много, что панамка скоро была заполнена маслятами и подберезовиками, двумя подосиновиками и

тремя белыми. Идти на поляну еще не хотелось, но пора было и совесть иметь.

И тут вдруг я поняла, что больше не слышу ничьих голосов. Меня никто не окликал!

Вокруг был все тот же светлый березовый лес. Под ногами шуршала жесткая осенняя трава. За кустами поблескивала темная вода холодного озера. По кронам деревьев пробегали порывы холодного ветра. По низкому небу неслись холодные темные тучи.

Мне стало страшно и холодно. Я быстро побежала в сторону озера. И оказалась в болоте. Под ногами зачавкала липкая грязь. Вылезла я на сухое место, и поняла, что не знаю в какую сторону идти. Солнце исчезло. Лес тревожно шелестел. Где-то долбил дятел, но это был не тот звук, какой мне хотелось услышать. Мне были нужны человеческие голоса.

Я стала громко кричать, подобрала какую-то палку и стала бить ею по стволам. Я шумела, как только могла придумать. Шум отвлекал меня от страха.

Ноги путались в высокой траве, но я бежала по этой траве, высоко задирая ноги. Бег согревал меня и отвлекал от страха.

Силы мои сначала удвоились, а потом вдруг оставили меня. Я села на поваленный трухлявый ствол древнего дерева, поросшего лишайником и грибами. Очень хотелось плакать, но было стыдно почему-то. И я молча проглотила свои слезы-сопли: "Нечего раскисать! Встала. Ноги в руки, и марш-марш вперед! К победе коммунизма! Умирать нам еще рановато!" Я сгребла себя в кучку и двинулась, куда глаза глядят.

И тут мои глаза увидели человека.

Человек был старый-старый. В старом-старом зипуне. В стеганых штанах, валенках и потрепанном меховом треухе. Он был одет позимнему в пока еще летний день. У человека были седая борода, длинные усы и толстая палка в руке. Он шел от березы к березе. Стучал по стволу. Прислушивался, наклонив голову. И шел к следующей березе.

Я побежала к нему.

- Дедушка!

Он оглянулся на меня, кивнул. И ...исчез.

Я остановилась в изумлении. Через пару мгновений старик показался между деревьями левее прежнего места. Снова кивнул и исчез. Я пошла к тому месту, где видела его только что. Еще через пару мгновений старик снова показался между деревьями еще левее. Снова кивнул и исчез. Я побежала к этому месту.

- Дедушка! Где Вы?

Старик снова показался, теперь он был далеко впереди. Он стоял молча и кивал мне. Я подошла к нему совсем близко. Он снова молча кивнул и исчез.

Мне совсем не было страшно почему-то. Только странно. Как ему удавалось так быстро передвигаться по бурелому и куда он исчезает? Я шла за ним, едва поспевая. Он двигался гораздо быстрее меня, но каждый раз ждал, когда я подойду к тому месту, где он был только что. Он не улыбался. Не говорил. Только кивал. И в этом жесте было что-то обнадеживающее.

Спустя некоторое время я уже настолько освоилась, что бежала дальше даже тогда, когда он еще не показывался.

А потом впереди послышались голоса: "Тоня! Где ты? Отзовись!"
- Я тут!

И я побежала вперед, туда, откуда меня звали.

А старик исчез. Но я все равно крикнула: "Спасибо, дедушка!"

Когда я вышла на поляну, где был разведен костер и готовился пир на весь мир, оказалось, что я уходила всего на несколько минут. И никто не успел встревожиться моим отсутствием. Просто все уже проголодались, а без меня не хотели начинать.

В моей панаме осталось не так много грибов, но и несколько уцелевших маслят и подберезовиков вызвали всеобщее оживление. Взрослые решили, что после обеда пойдут собирать грибы, а песни у костра отложат до наступления темноты.

Ночью искры костра летели к звездному небу, гитара тихо стонала и песни разливались шире озера. Анекдоты иссякли. Смех затих. Все было немного грустно. Не печально, а грустно-задумчиво. Так грустят в новогоднюю ночь. Так грустят в ожидании нового. Пусть это новое и хорошо известно. Но оно меняет что-то в жизни. Так грустят, когда ждут и прощаются не навсегда. Лето закончилось. Закончились каникулы. В понедельник всем на работу или на учебу. И утром уже не будет такой радости от пикника, а будут сборы грязной посуды, закапывание мусора и сжигание всего, что можно сжечь, чтобы не везти домой ненужное.

Я засыпала под печальные песни о небывалой любви рябин, кленов и прочих деревьев, когда вдруг услышала шепот профессора:

- Тоня, а ты положила угощение лешему?

- Кому?

- Тому, кто тебе указал дорогу к нам.

- Геннадий Андреевич! Вы о чем?

- Ну, ты же заблудилась днем, а леший тебя вывел на нас.

- Геннадий Андреевич, откуда Вы знаете?

- Дедукция. Конан Дойла читала? Маленькие наблюдения позволяют сделать далеко идущие выводы. Тебя на поляне не было всего пару минут. Ты пришла уставшая, как после долгого бега по лесу. У тебя было два десятка подберезовиков, которые не растут кучно, а только порознь. И еще я слышал, как ты крикнула: "Спасибо, дедушка!". Только один дедушка в лесу может менять время. И это - леший. А ему

"спасибо" в карман не положишь. Надо его по-настоящему поблагодарить.

- Геннадий Андреевич, Вы верите в леших?

- Он один в этом лесу. Я с ним знаком. В других лесах другие. И не все такие добрые. Ну, идешь? Или боишься?

- Ничего я не боюсь! А чем его угостить? И где?

- На пеньке. Вон тарелку с колбасной нарезкой бери и пошли. Я с тобой. Я всегда в лесу оставляю ему что-нибудь. Сегодня у меня ты - компаньон. Только не проболтайся никому! А то меня уволят с работы.

И мы пошли из круга света в лесную темь.

Спустя пару шагов я поняла, что осталась одна. Костер светил из-за деревьев нервными сполохами. Песня о морозе была явно не к месту, но звучала очень вдохновенно. Профессор где-то в стороне шуршал травой и с кем-то шептался. А я стояла, как маленькая дурочка, с полной тарелкой колбасы и не знала, куда ее пристроить.

- Ну, давай ее сюда, что ли. Люблю копченую колбаску. И вареную тоже.

Из темноты к тарелке протянулась рука. Над рукой сверкнули глаза. И я от неожиданности выпустила тарелку.

- Молодец! Не жадная! Ну, бывай. До встречи!

И тарелка, колбаса, рука и глаза исчезли в темноте.

Русалка- зажигалка

В Почепском районе деревни расположены плотненько, через каждые метров триста - четыреста новая, а то и чаще. Из одной еще не вышел, другую уже видишь.

Вот и Именка так стоит. Вроде особняком, а на другом берегу речки шириной с воробьиный шаг уже другая деревня стоит. Подыменка. И дома по обоим берегам окна в окна не смотрят. Словно нарочно так отстроились, чтобы не видеть соседей. Сады на берегах речки посадили. Дамбу насыпали и сделали пруд длинный и широкий. Окончательно отгородились. Потом подумали-подумали. Нехорошо. Соседи все же- таки. И по дамбе сделали дорогу. Чтобы в гости ходить друг к другу, или за солью, там, за спичками.

В общем в каждой деревне знают, что у них отдельный населенный пункт, но живут дружно, без задирания друг друга, без лишних амбиций. Да и что делить? Земли вокруг не паханой немерено. Леса стоят вековые, дубовые, неисчислимы. Пруд водой чистой заполнен, и рыбы в нем невпроворот. А жителей почти не осталось - по городам разъехались-разбежались. Или поумирали, кто постарее.

Но живут еще в этих деревнях бабушки-старушки хорошо знакомые с местной русалкой. Обитает русалка в самом дальнем конце пруда, в

омуте, под старой дуплистой ветлой. Ветла ветки в воде полощет, листья купает, воду в омуте закручивает в кудряшки. Вот среди этих струй кудрявых и проживает русалка со времен Михаила Глинского. Надо прямо сказать, что пруда и омута, и ветлы этой в те времена не существовало. Зато речка Безыменка была шире и глубже теперешнего не в пример. Там-то и поселилась русалка в те времена, когда земля эта была утеряна русскими князьями и стала частью Великого княжества Литовского.

Откуда приплыла она, куда плыла, почему осталась в этом месте - про то никому не ведомо. Сама она ни с кем не делилась своими тайнами. Кем была до того, не сказывала даже по секрету девушкам, желавшим с нею подружиться и стать тоже русалками, как она. А таких за пятьсот лет было не мало. Как какая девушка невзначай утратит честь девичью, так к речке и бежит. А когда дамбу сделали, то к омуту. Омут этот появился в том месте, где раньше, до запруды, колодец-криница был. Место глубокое. Потаенное.

Однако русалка не хотела иметь компаньонов. То ли тесно ей и одной там, то ли жалость разбирала ее, то ли по какой другой причине, но каждую утопленницу русалка на берег выкидывала еще до того, как той в конец помереть. Еще и на живот положит, воду откачает, по щекам похлопает. Глядишь, утопленница и очнулась, отошла, и румянец на щеки вернулся, и дыхание выровнялось. А по второму разу уже и не пытается коммуналку с русалкой организовать. Более того, стороной это место обходить начинает.

Не то чтобы боялись русалку в Именке и Подыменке. Но и не беспокоили ее лишними посещениями. И чужим, посторонним, о ней языками не трепали. Живет, ну, и пускай себе живет. Никому ведь беды-греха не делает.

Жила в пруду русалка тихо и незаметно. Парней к себе не приваживала, песни не заводила тоскливые. Детей за пятки не щекотала, когда те в пруд залезали поплавать. Питалась только рыбой мелкой. Плела венки из кувшинок и пускала их плавать. И все теплое время года вроде ее и не было.

Зато зимой жизнь всех в Именке и Подыменке не была такой же тягомотной, как в других заснеженных деревнях. Русалка на пруду фейерверки устраивала по ночам, да костры разводила на льду. Да такие большие, что лед не выдерживал и таял. И костры с шипением под воду уходили. Ради этих огненных шоу жители и спать не ложились, и детей спать не укладывали. Всем хотелось подглядеть, как это она делает.

Но как увидеть? Пока темно, не видать ничего. А как огни на льду разыграются, уже и не поймешь, как она лед подождгла. Так они и мучились бессонницей долгие годы. Как зима на мороз, так они вареные ходят. Сон их клонит, а они сопротивляются. Днем спать

вроде не с руки. А ночью, когда такая потеха разыгрывается, спать невозможно.

Ну, в двадцатом веке электричество в деревни подвели, и столбы фонарные установили. Тут и решили местные жители вдоль берега пруда расставить фонари специально, чтобы видно стало, как русалка зажигает. Стало по ночам светло, как днем.

А русалка перестала огненные забавы устраивать.

Вроде бы и хорошо. Спать теперь стало можно по ночам со спокойной совестью. А вот не хватает чего-то жителям Именки и Подыменки.

Да и не понятно теперь, есть ли еще у них в пруду русалка, или нет ее уже?

Домовой

Хоть верьте, хоть проверьте, хоть наплюйте и разотрите, но в каждой старой избе Почепского района живет домовой. Живет свой домовый и в доме номер 7 по улице Победы в деревне Граборовка.

Сколько лет ему - никто не считает. Имени его никто не знает. По имени к нему не обращаются. Но с мнением его считаются. Знают, что он - деловой. Если что, то зовут: "Домовой, домовый!"

Впрочем, зовут его редко. Разве что, потеряется где-то конфетка, и найти ее в доме не просто. Он-то уж не подросток, чтобы хулиганить. Стучать там, кричать, барабанить....

Ведет себя он степенно. Порядок в доме блюдет неизменно. Шуметь - не шумит, газетами не шуршит. Дым из трубы в комнату не загоняет. Сор по хате не гоняет. Ночью молоко не квасит. Да и чугуны сажей не красит. Очень положительный, вовсе не мстительный, солидный такой домовый. Одним словом, свой.

И дом он свой любит. Хозяевам дома, как может, так служит. Особенно потому, что хозяйка - не жмот и не скупердяйка. Молочка завсегда наливает. Пирожками его угощает.

Но и он не без греха (и, казалось бы, - чепуха) ну, не любит незваных гостей, и без разных затей их шугает - за пятки хватает. А еще невзлюбил петуха и, хоть знает, что шутка плоха, из хвоста его дергает перья и кладет их за дверью тетки Лукерьи, начхав на поверье, что тетка - колдунья, карга и ведунья.

А дружит он в доме своем только с кошкой. Всегда оставляет ей трошки молока в своей плошке и хлебные крошки. Чтобы кошка не похудела, да от голода не заболела. Она ему шерстку моет, когда его вдруг беспокоит какая-то глупая блошка, хотя бы совсем немножко. Он чешет ей часто за ушком.

Вы верите сельским врушкам?

Лукерья

Тетка Лукерья живет по соседству с тем домом, где живет наш домовый.

Он и из ее дома домовый почитай, что - друзья. Домовые - они тоже дружат. Только в гости друг к другу не ходят и с днями рождения друг друга не поздравляют. Потому что живут они долго-долго. Почти вечность. Это же сколько надо воска натопить, чтобы свечки поставить на торт по числу лет именинника. Да и торт надо делать невозможно огромный, чтобы все свечки поместились. А в гости не ходят потому что имеют, в отличие от людей, очень высокую степень ответственности за свой дом и семью, с которой под одной крышей живут. Никогда их сами не оставляют. И еще им нельзя на глаза людям показываться. Вот и получается, что не до гостей им.

Как же дружить в таких условиях?

Для этого им нужно совсем немного. Только набор ивовых погудочек. Для каждого друга своя. Захотелось пообщаться - взял погудочку и задудел тихонько. Для людей это вроде как ветер в трубе насвистывает. А друг слушает и отвечает своей песенкой. И всем хорошо. Спокойно.

В Граборовке все знают, что у них печи с музыкой, и только тетка Лукерья знает, что печи здесь ни при чем. Она одна во всей деревне лично знакома со своим домовым.

Дело было так. Осталась она одна в доме. Дети уехали в далекие города. Муж помер. А дом большой. Старый. Из толстых дубовых бревен. Этот дом еще ее прадед строил. При царе Александре II Освободителе. Я это только потому говорю, чтобы ясно было, какой дом старый.

И в этом доме со временем много щелей образовалось в бревнах. Тетка Лукерья их конопатила, паклей забивала и фанерой заколачивала, чтобы не сифонило, сквозняками не продувало. И сверху обои бумажные клеила, чтобы красиво было. А так как денег у нее было мало, то она разные стены разными обоями клеила.

Тут надо заметить, домовый в ее доме был великий эстет. Очень ему не нравилось это. То, что обои разноцветные. К тому же жил он в этом доме уже сто пятьдесят лет и за эти годы знавал и лучшие времена, когда дом сиял чистотой свежеструганных бревен и красотой березовых досок обшивки стен и полов.

Ему было до боли обидно видеть разномастные обои на стенах, и он начал их по ночам отдирать.

Днем Лукерья клеит, ночью домовый отклеивает.

Сама Лукерья уже очень старая была, можно сказать, древняя. Трудно ей ремонт в доме делать. Поначалу она думала, что она сама

плохо приклеивает обои, и они под сквозняком отклеиваются. Позвала она двух соседок молодых себе в помощь.

Поклеили они за один день обои в обеих комнатах и на кухне. Полюбовались на свою работу, чаю травяного с вареньем вместе с Лукерьей попили, и разошлись по своим избам.

Ну, Лукерья обрадовалась, что теперь в ее доме будет чисто, и легла спать. А ночью слышит - опять обои отрываются. Да не просто так, а рвутся просто на куски. И сопение какое-то слышно тоже.

Страшно стало Лукерье сначала, а потом она себе напонила: "Да что это я, в самом деле? В войну девчонкой малолетней партизанила, ничего не боялась. Фашистов не боялась. В лесу ночевать не боялась в морозы. Под проливными дождями не боялась с донесениями к командиру бегать. А теперь в своем доме бояться стала? Не бывать тому!"

Встала она тихонько с кровати, вышла в горницу на цыпочках беззвучно и резко включила свет. Сама на мгновение ослепла, но успела заметить, как кто-то маленький, лохматенький в кусок обоев оторванный завернулся и быстро-быстро покотился в угол.

Откуда у Лукерьи и прыть взялась? В одну секунду подхватила она улепетывающий кусок обоев, а оттуда он и выпал. Выпал и зашибся, сердечный. Лежит в беспамятстве, не шевелится.

Жалко Лукерье его стало. Подняла она его на руки, понесла в кухню, нашатырь поднесла к носу, водички подала, как только он очнулся. Синяк у него на затылке осмотрела и маслом лечебным помазала. А сама крепко его держит, чтобы не убежал никуда.

Полегчало ему, он и говорит: "Отпусти ты меня, Лукерья! не буду больше тебе обои рвать. Только и ты уж постарайся красивые обои наклеить. Сама, ведь, тоже здесь живешь! неужто тебе нравится, когда у тебя стенки разные?" Ну, Лукерья ему и сказала, что денег нет у нее на красивые обои.

Тут домовый ей и предложил свою помощь. Знает он, где в годы революции дед ее клад запрятал - в чугуне печном целую горсть золотых монет закопал в левом дальнем углу подпола, а сверху ларь для картошки поставил. Ну, потом он в войну Гражданскую сгинул, где не ведомо. Вот с тех пор клад и лежит, никем не найденный. Полезла Лукерья в подпол, да клад и нашла. Но в деревне об этом она никому не сказала. В город съездила, в банк сдала старинные монеты и получила деньги современные.

Сделала она хороший ремонт дома. И зажили они со своим домовым душа в душу. И ему приятно в красивом доме жить, молоко по вечерам с Лукерьей пить, коврижками закусывать. И ей хорошо - не одна вечера коротает: он ей и песенку старинную споет, и подскажет, какая трава от какой хвори помогает, и набивает с ней подушку петушиными перьями, которые соседский домовый к ним под дверь подкидывает. И спляшет даже иной раз, чтобы ей не скучно было. Так допоздна и

засиживаются Лукерья и домовая под свечечку, чтобы лекстричество зазря не жечь, да для уюта.

А по деревне молва поползла, что Лукерья по ночам ворожит-колдует. Значит, ведьма она.

Кикимора болотная и болотник-угодник

Старая, некрасивая, и с бородавкой
На кончике длинного носа,
Как она может без травки
Найти себе мужа и босса?

Поэтому на болоте, где страшно,
Где топи, трясины и мари,
Она беспечно и бесшабашно
Корни и травы с сфагнумом варит

На бледных болотных огнях.
На запах метана и аммиака
Слетается нечисть. В гостях
Они пляшут во мраке

И топчут роскошный ковер изо мхов.
И пьют из кувшинки отвар тот
До наступления холодов,
Когда она свой приворот,

Себе жениха выбирая
Из кучи косматых чертей,
Избраннику лишь наливает.
Да так, чтобы погорячей.

А он, разбудив в себе страсти,
От счастья готовый взвыть,
Ее от любой напасти
Согласен собою закрыть.

И брак их продлится вечно -
У нечисти времени нет.
Кикимора с мужем сердечна -
И в этом их счастья секрет.

Болотник-угодник и блуждающий огонек

Бывает, в болотном дому неспокой.
Сердце кикиморы полно тоской -
Нет, мшару кручинит не ссора.
Болотник с супругой не знают раздоров.
Кикимора чтит, как Галмуд, домострой.
Но тяжко болотник вздыхает порой.

Тогда она ставит пиявок ему
И варит отвары из трав по уму,
Березовым веником спину отходит,
И снова болотник ласковым ходит.
И снова он хочет любимой своей
Дать новые чувства - теплей и свежей.

И ночью тайком от дражайшей супруги
Идет потаенной тропой - для подруги
Собрать ароматный букет неньюфар,
И ей приготовить на утро нектар.
Пусть спит половинка на мягонькой кочке!
Он по болоту бежит в одиночку.

Стремится он к заводи дальней речной,
Там лилии вырастил друг - водяной.
Там адалень по ночам расцветает.
Путь в темном лесу огонёк освещает.

Скользя по траве на обрывистых склонах
Болотник несет в загорелой ладони
Мерцающий блик, бледно-синее пламя,
Как символ любви, как победное знамя.

А те, кто случайно гуляют в лесу,
Как игрищ бесовских, как чертову мессу,
Пугаются света, идущего чащей,
Не видя руки огонёчек держащей.
Но, если бы встретил болотника он,
Решил бы: "Я вижу кошмарнейший сон".

Леший. Былица

Для жителя любого другого региона Великой России, кроме юго-западных областей, этот набор русских слов прозвучит полной абракадаброй. Абракадабра это и есть. В смысле изложенного смысла. Но с точки зрения использованных слов - это наш с Вами, читатель, родной язык.

Только мы, начитавшись классиков русской литературы и журналистики, забыли смыслы слов и их исконное звучание. Язык этот брянский и для меня был нов и неожидан, когда я впервые услышала, будучи студенткой на уборке картофеля, от квартирной хозяйки: "Зачини фортку, да сядай снадать. И шо не есишь, чи гребаеть?" Я была в шоке. Хорошо, однокурсницы перевели, что мне не надо форточку в окне чинить, а только калитку закрыть, садиться есть и не брезговать.

А саму байку эту услышала я там же и тогда же. Лет уже много прошло, а все помнится:

Сёлито аккурат было, чи не было, мямлить не буду.

Яково ящце летось вранни почапали Авхим, Аниска, Ахрем, Липка да Миллян в лес, в грибы-ягоды. Зашли в знакомый с ранья, с детства, лес.

В коптор вси набрали ягруса, самародины, поречки. А день еще только начинаецца. Аниска да Липка тьвяты набрали, венки сабе и парням навили. Идут красивые, довольные. Аниска така толстящая, а Липка похуже, но тоже гарная. Шлях по местам пригожим вьется. А Авхим с Ахремом, абаи, еще и пичуриц надыбали. Настроение у всех отличное.

Бачут - в кушерях ровок. Глыбоко так вада журчит.

Порешили передохнуть, пекло переждать, а там и в двору итти. Стали спускаться, а Липка обшахнулась, возьми, да на бадюльку наступи. Ажно ляснулась, лапсердак замуздыкала. Аккурат пятку занозила. Еле дыбаёт. Миллян, жох бядовый, не дал ей в бузан забить, схاپил яё, поднял и понес. Все регочут. Однова Липка мямлит: "Не чапай! Не чапай! Годя!" А ён не пуцает, вздыхаетца. Спустились в ровок, сели смашно поснедали тормозок да глызки, засилили ваду из ровка, трохи потрёкали и пошли в двору.

Знетики хмарно стало. Заспешили они, заторопились в дому вечерять.

Нойды, войде во, иде чемерыжник да чехмара, бачут, колдыбаёт гидкий, задрипанный, кривой, весь загвазданный харза. Валосся поклычьями висят. Бельма однова нема. На ногах кривых чаботы грязныи. В руках цапок держит. Видать, шукает чего, схову ныкает.

Побачил их, заметусился малохоленный. Да, они ж бядовые вси. Покуль он метусился, давай скриготать: "Братцы, рятуйте!!!" Ён, бедный, совсем потом изошел. Побег ён от них в кушери. Они за ним, хочут догнать. Бегут и регочут.

Тут ён почал их глумить, да гопать.
"Ой, тишеньте! Годя, годя! - Аниска кричит. - Трохи тутотьки погодыте!Этый шмурак верядует, а мы ведемся за ним!"

Села на пенек, охляла.
"Я уж всю аппинку испоиздирала. И откуль ён, безтоволосяый, взявся на мою галаву?"

А ён из чемерыжника гукает:

- Отсель.

Из чехмары кажет:

- Не, оттуль.

От ёлки скригочет:

- Войде во.

Нахилился к Аниске:

- А ты подыйди, тады табе покажу. Клопат молодики отстанут.

"Отхились, отыйдись от мяне", - просит Аниска, чуть не плачет.

А ён цывкает, от какалуши манит: "Аднавой табе покажу. Потачку только попроси".

А сам на ветке колыхается.

Парни на него кинулись залименить, отбутузить яго, а ён ёкнулся, да исчез совсем. Програкали его.

Почали шукать стежку. Никали-никали. В лесу хмарно. Не видать ни зги. У чунниц виски дыбором. Гамонить перестали. Гаркали тоже напужаны, бры'ндать устали.

Глядят, пуня пустая. Авхим кажет: "Пошли в пуню. Всё покойней. А вранни продолжим никать". Так и порешили. Почали шморгать – штырхать фортку. Не открываецца.

Залез Ахрем на царик. Сиганул вовнутрь, изнутри чепок сдернул. Вси зашли. Тёмно. Страшно, аж жуть берет.

Ночь на рогожке якой-то на мосту, да на шиголье упокат вси промаялись. Ждали, кады ж ночь минется. Встали врання с трудом.

А новый день все не начинаецца. Птушки не спивают. Слупы не гопают. Дятлы не дюбают.

Хмары по небу шлындают. Вот-вот ливень хлынет.

Ну, да стёжку шукать надо.

Вышли из пуни смурные, отряшные. Плятухи свои еле тянут.

Бачут, а шлях-то рядом.

Тут и истории гамбец.

Для нас, забывших корни нашей речи, я решила сделать перевод с русского брянского на русский почти литературный:

Этим летом это было, или не было. не скажу точно

Ранним летним утром Яким, Анисья, Ефрем, Олимпиада и Емельян пошли в лес, по грибы-ягоды. Зашли в знакомый с детства лес. Собрали полные корзины крыжовника и смородины. А день еще только начинается. Анисья и Олимпиада цветы собрали, венки себе и парням свили. Идут красивые, довольные. Дорога по местам красивым вьется. А Яким с Ефремом еще и шампиньонов собрали. Настроение у всех отличное.

Смотрят - в кустах овражек. Глубоко так вода журчит.

Решили передохнуть, жару переждать, а там и домой идти. Стали спускаться, а Олимпиада споткнулась, на сук наступила. Упала, куртку запачкала. Пятку занозила. Еле идет. Емельян, парень веселый и сильный, не дал ей расплакаться, обнял её, поднял и понес. Все смеются. Одна Липка причитает: "Не трогай меня! Перестань!" А он не пускает, тяжело ему, а он несет ее. Спустились в овражек, сели, поели, попили, немножко поговорили и пошли домой.

Вдруг пасмурно стало. Заспешили они, заторопились домой.

Вдруг смотрят по кустарнику и зарослям крапивы пробирается очень неприятный, грязный, одноглазый человечек. Волосы растрепаны. На ногах кривых сапоги грязные. В руках палку держит. Что-то ищет.

Увидел их, заметался, как сумасшедший. А, они озорные все. Пока он метался, давай кричать: "Братцы, спасайте!!!"

Он, бедолага, побежал от них в заросли кустарника. Они за ним, хотят догнать. Бегут и смеются.

Тут он начал издеваться над ними, кривляться и прыгать.

"Ой, тише! Подождите! - Анисья кричит. - Чуть подождите! Этот дурак издевается, а мы гонимся за ним!"

Села на пенек, устала.

"Я уж всю косынку порвала. И откуда он, простоволосый, взялся на мою голову?"

А он из зарослей кричит:

- Отсюда.

Из крапивы говорит:

- Нет, оттуда.

От ёлки кричит:

- Вот где.

Наклонился к Анисье:

- А ты подойди, тогда тебе покажу. Пусть парни отстанут.

"Отстань, отойди от меня", - просит Анисья, чуть не плачет.

А он глазом моргает, от черемухи манит: "Одной тебе покажу. Только попроси".

А сам на ветке качается.

Парни на него кинулись побить его, а он упал, и исчез совсем. Не нашли его.

Начали искать тропу. Искали-искали. В лесу темно. Не видать ни зги. Девушки перепугались совсем. Шутить перестали. Парни тоже напуганы, бродить устали.

Глядят, сарай пустой. Яким говорит: "Пошли в сарай. Всё спокойней. А утром продолжим искать дорогу". Так и решили. Начали толкать – дергать калитку. Не открывается.

Залез Ефрем на крышу. Прыгнул внутрь, изнутри крючок сдернул. Все зашли. Темно. Страшно, жутко.

Ночь на подстилке какой-то на полу, на опилках промаялись. Ждали, когда же ночь закончится. Встали спозаранку с трудом.

А новый день все не начинается. Птицы не поют. Воробьи не прыгают. Дятлы не стучат.

Тучи по небу низко ходят. Вот-вот ливень хлынет.

Ну, да дорогу искать им надо.

Вышли из сарая хмурые, грязные. Корзины свои еле тащат.

Смотрят, а дорога-то рядом.

Тут и истории конец.

Хоть и живу я в Брянске уже тысячу лет, но не сделала бы перевода этой граборовской байки без профессора БФУ им. Канта Алексея Захаровича Дмитровского и его книг, и без собрания брянских говоров, подготовленного учеными и студентами филфака Брянского педагогического института им. Петровского.

